

Я. В. Соколов

докт. экон. наук, заведующий кафедрой статистики, учета и аудита Санкт-Петербургского государственного университета

ТРИ ПРОЕКЦИИ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Мы должны принимать вещи такими, каковы они есть, мы не в силах сделать их такими, какими нам бы хотелось их видеть.

Честерфилд

Одним из пониманий латинского слова «проекция» — бросание вперед можно считать отображение реальной действительности на некой плоскости. В нашем случае реальная действительность — это народное хозяйство, а плоскость — это экономическая мысль, и от того, *кто* проецирует хозяйственные процессы, меняются и проекции. Важно то, что люди поступают в жизни согласно своим представлениям, т. е. этим проекциям.

Кто эти люди

Обычно русскую экономическую мысль при всех ее разветвлениях рассматривают как целостную проекцию, однако это глубокая ошибка и дело не в экономических школах, а в людях, в ней заинтересованных. Есть три группы русских людей, имеющих к ней отношение: 1) госслужащие; 2) общественность и 3) «маргиналы» — диссиденты.

Первая проекция — это представления сугубо практиков, их рассуждения дальше валютных курсов и проблем экономического роста не идут. Если и есть для них образцовый теоретик, так это Ф. Лист (1789—1846). Как правило, на нем сходятся все, ибо этого немца представляют «щитом и мечом», отстаивающим национальные интересы. Но это человек науки, а грехолюбивых служащих волнуют две проблемы: 1) как укрепить свое положение и 2) как продвигаться. Первое может быть достигнуто только при поддержке вышестоящих товарищей и при устранении всех нижестоящих клеветников, которые могут быть конкурентами. Это касается прежде всего способных людей, которых надо немедленно компрометировать, задвигать, а лучше увольнять (вспомним великий рассказ «Довесок к букве щ»). Второе возможно, когда вышестоящий начальник шатается и падающего нужно как можно скорее подтолкнуть. Во всех случаях и тех, кто ведет подкопы, и тех, кто подкопщиков хочет зарыть, экономическая мысль интересуется только в том плане, в котором она может помочь достижению личных целей. Лучший пример — С. Ю. Витте (1849—1915). Он, опираясь на теории, развиваемые И. И. Кауфманом (1848—1916), ввел фиксированный курс золотого рубля. Правильно это было или нет? Бессмысленный вопрос, ибо это было ему лично выгодно, так как представляло его как реформатора: выгодно

было промышленникам, а вредно аграриям. Вот и все. Для чиновников нет науки, для них важна только та идеология, которая укрепляет и продвигает их.

Вторая проекция представлена общественностью — профессурой, публицистами и лицами свободных профессий. Они верят в науку, боготворят Запад и, как правило, не мудрствуя лукаво, повторяют иностранные зады: сначала камералистов, потом классиков и, наконец, марксистов. Это интеллигентные, но в значительной части полуобразованные люди. У них много амбиций, но мало амуниции. Отсюда самомнение и множество претензий. В отличие от чиновников они не используют теории в оправдание своих целей, а напротив, они сами жертвы условных идей. Они искренне готовы пропагандировать все и всем; в глубине души многие из них совсем не прочь перебраться в класс чиновников, лучший пример — Н. Х. Бунге (1823—1895). В душе они сами чиновники. «“Обязать”, “принудить” — кажется до сих пор у нас не только правительству, но и самому обществу, чуть ли наивернейшим способом к разрешению самых головоломных задач» (Аксаков, 1886, с. 711). И это верно. Когда автор этой статьи занимался механизацией учета и рассказывал директору фирмы, что бухгалтеры не примут каких-то решений, то директор улыбался и говорил со всей значимостью: «Этого не бойтесь, мы издадим приказ». И ему, начальнику, в голову не приходило, что бухгалтеры могут саботировать и мое решение, и его приказ.

Есть еще и третья группа людей. Мы знаем, что «среди лесов, в глуши далекой, живут седые колдуны» (Пушкин). Это, как правило, отринутые обществом и презираемые, а большей частью гонимые государством, маргиналы. Труды их составляют третью проекцию, как правило, их вспоминают после смерти авторов и тогда им воздают должное.

Между названными тремя группами при всех различиях есть нечто общее, ибо «мы страдаем также от недостатка здоровья, познаний и добрых привычек» (цит. по: Цвайнерт, 2007, с. 138). Эти страдания продиктованы единством менталитета русских людей, но не следует забывать, что этот монолитный менталитет на практике приводит к трем проекциям, ибо согласно марксистскому первоучителю: «Бытие определяет сознание».

Менталитет

Человек. То, что говорит и тем более делает русский человек, совсем не обязательно то, что он думает. Тут нет лукавства. Это двоемыслие естественно. Это печать судьбы, и она не мешает растворить всю экономическую мысль в идеях моральной справедливости и трактовке политической экономии как прикладной этики. Все исходные представления русских людей в существенной степени предопределены образом Иванушки-дурачка, который лежит на печи и ест сладкие калачи. Его житейская мудрость представлена пословицами, которые переходят из поколения в поколение: «Чей хлеб ешь, того и обычай тещь» — русский позитивизм, «Рука руку моет» — о товариществе и взаимовыручке, «Мимо идти, да не украсть — люди дураком назовут» — творческая инициатива, «Молчи больше, проживешь дольше» — житейская мудрость и т. п. Это подтверждают и классики: «...мы рождены затем, чтобы жить на всем готовом» (Салтыков-Щедрин, 1937, с. 19—21).

Увы, это формировало и сформировало наш менталитет, что имело самые глубокие последствия для развития экономической мысли в нашей стране. Она получила тенденцию к максимально возможному фантазированию и упрощению, а иногда даже примитивизации. Сказанное легко понять из языка нашего общения. Послушайте, что и *как* говорят люди между собой, и вы никогда не сможете увидеть эту речь в напечатанном виде (по крайней мере, пока).

Мы всегда кого-то виним, но только не себя. Это страшное проявление воинствующего индивидуализма. Достаточно представить то, как человек устраивается на работу. Его первый вопрос: «Сколько мне заплатят?». Его, как правило, не волнует, справится ли он с работой, а волнует только чисто материальный интерес.

Эта двойственность, свойственная почти всем русским людям, проявляется и в гораздо более важных делах. Достаточно сказать, что законы принимаются людьми (первая проекция), которые ничего не понимают, *как* эти законы могут применяться в жизни. Автор помнит, как один депутат требовал и кажется получил поддержку, чтобы всех детей в приютах минимум один раз в день кормили бутербродами с икрой. И таких бредовых решений множество. Вот правительство укрепляет рубль, и по отношению к западным (и не только) валютам он растет, но это для внешнего рынка, а для внутреннего — рубль все время падает, инфляция, по словам министра финансов, составляет минимум 10% в год (пессимисты говорят о 20%), в то время как в США доллар падает, но инфляция составляет 2% в год. (Эти факты понимают министры, но общественность понять не хочет, ибо требует роста зарплат и снижения цен.)

Истоки. Истоком любой экономической доктрины всегда выступает человек. Каков человек, такова и его теория (т. е. то, что он думает), и такова практика (то, что он делает). У чиновников теории, как правило, не бывает, есть одна практика и все хорошо, что приносит результат. У общественности, наоборот, существует только теория. Маргиналы думают просто потому, что не могут не думать. Это экономические декаденты. И, как следствие, само экономическое мышление просто выражает апперцепцию людей, где бы они не работали.

Основные источники сведений о русской экономической мысли — жития святых, законы и воспоминания иностранцев, сочинения ученых, заметки маргиналов. По этим источникам можно выстроить три своеобразных теории отечественной экономической мысли. Библия и жития святых придают ей мощное этическое обрамление, все цели сводятся к любви и справедливости, достойной жизни, если не для всех, то, по крайней мере, для трудящихся. И само понимание экономической науки растворяется в области морали. Если передать краткими словами, что же собой в идеале представляет русская экономическая мысль, если охарактеризовать ее, то для чиновников это «правда задания, причудливо сплетенная с неправдой исполнения» (Булгаков, 1997, т. 2, с. 480); для общественности — использование идеалов, а для маргиналов — поиск ради поиска, теория ради нее самой.

Теория. Люди мыслят по-разному, но у всех русских людей есть много общего: прежде всего они любят практику (даже теоретики). Само слово «теория», даже в научных кругах, по крайней мере, среди экономистов, воспринимается подозрительно, а часто звучит даже как оскорбление. Автор этой статьи, как уже было сказано, в молодости уделил много внимания проектированию механизированного учета. И в разговоре с потенциальным клиентом он мог говорить самым убедительным образом, но никакой веры его словам не было. Иное дело, если автор приводил директора и главного бухгалтера в ту организацию, где уже была проведена механизация: машины грохотали и печатали огромные простыни-табуляграммы. Клиенты приходили в восторг и просили поскорее сделать у них тоже.

В сущности, такой подход характерен для двух первых слоев нашей интеллигенции. Отсюда первое требование к экономической науке: выработка практических решений. Ничто так не чуждо русскому человеку как метафизика и позитивизм. Не понимает и не хочет он понимать *описания* хозяйственных процессов, для него это праздные занятия, он хочет управлять и получать реальные блага: «Только то говорит и действительно, что для нашего тела чувстви-

тельно» (А. К. Толстой). Конечно, существует множество книг со словом «теория». Но роль такой теории хорошо передал генерал И. О. Сухозанет (1785—1861): «Теория — это как пуговица на мундире. Жить можно и без теории, как и без пуговицы, но в этом случае будет некоторый беспорядок».

У русской общественности экономическая теория с конца XIX в. и до сих пор была представлена марксизмом. Прекрасно сказал В. В. Розанов (1856—1919): «Построения Карла Маркса овладели мыслью наших теоретиков, они их гипнотизировали, как глаза очковой змеи» (Розанов, 1996, с. 269). Идеи К. Маркса (1818—1883) стали в России, можно сказать, общепризнанными. Они необыкновенно близки менталитету русского человека. Вся суть марксизма — учение о прибавочной стоимости — хорошо понималось обществом: «нам недоплачивают», а знаменитый лозунг: «Экспроприаторов экспроприируют» был переведен неправильно, но более понятно: «Грабь награбленное». Это хорошо было понято бюрократами. Так, министр внутренних дел, шеф жандармов и президент Академии наук граф Д. А. Толстой (1823—1889) прозорливо писал: «Любая попытка ввести в России западноевропейские парламентские формы правления обречена на провал. Если царский режим будет свергнут, его место займет коммунизм, настоящий незамаскированный коммунизм г-на Карла Маркса» (*цит. по:* Карр, 1990, с. 343). Поэтому неслучайно и марксисты, и народники, и даже реакционеры типа Л. А. Тихомирова (1852—1923) в существенной мере их разделяли. Но были и различия. В их основе лежала так называемая догма Смита. Она была представлена в проблеме реализации как противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения. Народники из этого делали вывод, и его разделял Л. А. Тихомиров, что без свободных иностранных рынков капитализм в России состояться не сможет. Особенно подробно эта идея была развита В. П. Воронцовым (1847—1918), который не без основания считал, что крупная капиталистическая промышленность искусственно насаждается правительством или за счет бюджета, или за счет гарантированных закупок готовой продукции (История экономических учений, 2001, с. 351). Так считали народники, исходившие из первого тома «Капитала», социал-демократы опирались на второй том, полагая, что прибавочный продукт может быть реализован за счет средств производства. Однако независимые эксперты считали, что «ни одна почти из экономических теорий Маркса не является его открытием и ни одна из них не оправдалась на опыте» (Выщеславцев, 2006, с. 377). Особенно печально сказались у нас попытки применить марксову теорию. Весь смысл марксизма в том, как экономику разрушить, а у нас по этой теории пытались *строить* социализм.

Сейчас марксизм вытесняется учебниками по микро- и макроэкономике. Но никакого реального влияния эта новая теория на нашу практическую жизнь не имеет. Это так, «пуговица для мундира». И отсюда самая большая задача нашего времени — установить, какой экономической теорией руководствовались олигархи, которые из ничего возникли на наших глазах. Во всяком случае в их рядах что-то не видно ни одного теоретика экономической науки. Но можно предположить, что, скорее всего, для них важна была старая русская традиция, описанная В. В. Розановым (1856—1919), о трех источниках собственности: подарили, выпросил, украл. Это напоминает идеи Б. де Мандевиля (1660—1733), которые глубоко чужды русскому сознанию, но это не мешает тому, что его основная мысль получила у нас хорошую формулировку: «От трудов праведных не наживешь палат каменных».

Догматизм. Любовь к соблазнительной ясности приводит русского человека к признанию однозначности решений. Ничто так не оскорбляет его, когда на конкретный вопрос ему отвечают, что если так, то так, а если так, то этак и т. д.

На четкий вопрос должен всегда следовать ясный однозначный ответ. Помню, одна пожилая женщина хвалила врача за четкость его диагноза: «Ты, бабка, или поправишься, или умрешь». Тут все ясно, и мы любим такие заключения. Делай так, и все! Любое иное решение ошибочно, а то и преступно. Поэтому такой метод, как *деконструкция* Ж. Дерриды (р. 1930), и критерий *фальсификации* К. Поппера (1902—1994) не получили у нас признания. Отсюда и практика превращается в кампанейщину: позавчера только преимущественное развитие производства средств производства объявлялось благом, вчера — все для народа — преимущественно развиваем производство товаров народного потребления (всеобщее одобрение); сегодня — да здравствует рыночная экономика — и, как результат, вопли о беспределе и грабеже. Догматизм делает теорию не просто бесполезной, но репрессивной и очень опасной.

В определенном смысле догматизм был занесен к нам из Византии при принятии христианства. «Все эти предрассудки и инсинуации, которые насаждались у нас греками, были приняты нами с тупым и невежественным фанатизмом» (Булгаков, 1997, т. 2, с. 478). Много столетий мы были, конечно, по собственному мнению, самыми передовыми — православными. При Петре I спохватились и стали Европу догонять. Однако после 1917 г. мы вновь оказались впереди планеты всей. Но в конце века вдруг опять поняли, что отстали и теперь вновь догоняем если не Америку, то, по крайней мере, Португалию. Мы всегда следуем какой-то цели и исповедуем определенную процедуру. Об этом хорошо сказал Т. Г. Масарик (1850—1937): «русское мышление негативное, но не критическое... русский отказывается от своей детской веры, но одновременно он принимает другую веру» (*цит. по:* Цвайнерт, 2008, с. 39).

Догматизм отрицает анализ и критику. Это подметил А. П. Заблоцкий-Десятовский (1807—1881), когда писал: «Статистика вообще и нашего отечества в особенности нуждается для своего развития не столько в массе материалов, которые накапливаются сами собой, сколько в их обработке и критике» (*цит. по:* Штейн, 1948, с. 104). И это очень характерно для нас: вся земская статистика была представлена «массой материалов», но их основная часть до сих пор остается неизученной и пылится в библиотеках. В наше время в АСУ занимались тем же бессмысленным сбором сведений, которые никого по делу не волновали. Догматизм требует единомыслия, но последнее может быть проведено только путем репрессий не просто людей, но их апперцепции. И при этом мы всегда из любви к ближним, готовы помочь: «Я бы, — говорит герой Н. С. Лескова (1831—1895), — будь моя воля, я бы и Европу-то всю выпорол» (*цит. по:* Дунаев, 2003, с. 423). И эти слова сказаны без злобы и с искренним желанием помочь Европе, ибо не хотела она знать ни нашей старой правды (православия), ни новой (коммунизма).

Догматизм характерен для всех слоев нашего общества: чиновники думают, как выполнить приказы начальства, а на деле ничего не делать. (Помню в 1949 г. Павловский райисполком Ленинградской области обязал местные организации асфальтировать определенное число дорог. Инспектору ставили два пол-литра, и он отмечал, что дороги сделаны, в газетах печатали рапорты о великих трудовых победах.) И как тут не вспомнить замечательные строчки поэта:

Мы враги сухой формальности,
Мы чувствительны душой.
И при виде «благодарности»
Не владем мы собой.

(Б. А. Алмазов)

Однако общественность такими посулами с толку не собьешь. У нее большие, в основном «западные», идеи и все, кто не следует моде дня, шельмуются как ре-

трограды. Но и диссиденты тоже склонны к догматизму, ибо считают свои наработки — правильными, а мнения оппонентов ошибочными. И как общее следствие этот непреодолимый догматизм приводит к самому печальному духовному мазохизму: «Люди не уважают тех, кто обращается с ними не как с лакеями» (Алданов, 2002, с. 665). Отсюда мысль людей в России изначально репрессирована. Еще в XVIII в. герой А. П. Сумарокова (1717—1777) наставлял сына: «А перед сильными ты прыгай, как лягушка, и помни, что мала перед рублем полушка».

Двоемыслие. Разговоры о любви, братстве и справедливости, с одной стороны, и реальная действительность — с другой, означали, что общество, особенно социалистическое, могло существовать только за счет коррупции и одной из ее ярких форм — спекуляции: «Спекуляция, — писал В. А. Базаров (1874—1939), — не только извне налипла, она насквозь пронизывает всю систему современного государственного регулирования, составляя его душу. Спекулянт — не просто паразит, но вместе с тем и действительная опора правительства» (Базаров, 1919, с. 356). Спекуляция и страсть к справедливости приводят к системе постоянного перераспределения ресурсов, и «результатом оказывается объективная склонность подобного хозяйства к милитаризму... к росту бюрократизма и расширенному воспроизводству люмпенских слоев» (Мау, 1993, с. 91). Так получается на деле, а когда человек говорит, то часто не думает о том, что говорит. Некая организация разработала экономическую доктрину России на двадцать лет. Организовали презентацию и объявили время: с 16 до 18³⁰. Начали, опоздав на пятнадцать минут, а просидели на час больше заявленного. Спрашивается, как люди, рассуждая на двадцать лет вперед, хотят подчинить жизнь целой страны своим идеям, а простого совещания спланировать и провести не могут. Часто двоемыслие превращается в националистический способ получения средств с чужих. Так, А. Л. Ордин-Нащокин (1605—1680) считал, что с иностранных купцов необходимо взимать пошлины в большем размере, чем с купцов отечественных. Прошло много лет, и в XXI в. его наставления вспомнили, и в театрах, музеях, парках интуристы платят существенно больше, чем граждане нашей страны. Когда в годы нэпа стали привлекать иностранный капитал и западных специалистов, то известны два показательных примера: в одном случае построенная шахта отгружала уголь, предприятия-покупатели ей не платили, шахту объявили банкротом и передали в собственность государству (Кемерово). В другом случае на месте золотодобычи английским концессионерам записали в договоре, что на приисках добыча золота не должна быть меньше такой-то величины. Англичане согласились. Но наши рабочие забастовали, затребовав достойную заработную плату. Естественно фирма не смогла добыть нужный объем золота, и все ее имущество было передано в собственность государства.

Правила поведения. Любая экономика может эффективно функционировать, только опираясь на крепкую законодательную базу. Все или почти все, что у нас написано в законах, всерьез гражданами не воспринимается. Вы постоянно слышите от самых разных людей: «Если это плохой закон, так зачем я буду его придерживаться?». Вместе с тем в обществе присутствуют традиции, обычаи, понятия, и они могут оказываться очень влиятельными. Их в отличие от законов, нельзя нарушать. У А. Н. Островского (1823—1886) в пьесе «Горячее сердце» есть незабываемая сцена. Купцы приходят судиться к Серапиону Мардарьичу Градобоеву, городничему. Он говорит: «Как же мне вас судить теперь? Ежели судить вас по законам... Законов у нас много». — «Нет, уж за что же», — говорят просители и вместо законов, по обычаю, подносят начальству гусей, уток, сахар и прочие предметы материальной культуры. Это касалось реальной жизни. А вот, что писал Н. А. Мельгунов (1804—1867), видный писатель и представи-

тель общественности: «Мы привыкли прибегать к темным и негласным путям мимо открытых и законных» (Голоса из России, 1974, с. 103).

Отсюда, казалось бы, это право по обычаю и должно изучаться в экономической теории, но нет, согласно чиновникам экономическая теория должна сводиться к изучению правительственных распоряжений. Но дело обстоит еще хуже. Например, почти все бухгалтеры убеждены в том, что теория учета — это состав действующих нормативных документов. Да, что бухгалтеры. В советское время официально было объявлено, что теория социалистической экономики развивается в решениях партии и правительства. Недалеко ушла и общественность. Она возмущается, как правило, про себя, но стоит на нее цыкнуть и вся она в комочек съжится. Есть у общественности партия, наследница великих октябристов и кадетов — СПС. И что же ни один олигарх и рубля на нее не пожертвовал? А «живущие в лесах» седые декаденты принципиально на выборы не ходят, рассуждая, что: «Чем ночь темней, тем ярче звезды» (А. Н. Майков). Но так ли это?

Справедливость. Словарь Ожегова трактует это слово как необходимость «признать за кем-нибудь какие-то достоинства». Естественно, когда человек говорит о справедливости, он понимает, что кто-то умаляет его достоинства. Отсюда слово справедливость создает множество сложностей и, что самое главное, растворяет экономическую науку в моральной сфере. И не просто растворяет, а отождествляет: «Политическая экономия, — писал С. Н. Булгаков (1871—1944), — есть прикладная этика, именно этика экономической жизни» (Булгаков, 1997, т. 1, с. 231). Отсюда главной становится проблема не производства, хотя на словах она прокламируется, а проблема распределения. Каждый требует себе кусок бóльший, чем сам заработал. На Западе рабочим недоплачивают, а у нас сплошь и рядом целые заводы работают в убыток. А вместе с тем любят получать больше, чем реально заработали. А еще больше мы уважаем льготы. Это мосты между справедливостью и равенством.

Равенство. Справедливость, ее исповедует общественность, требует, чтобы у меня было всего не меньше чем у соседа. Если у соседа больше, он вор. Отсюда рождается зависть, и человек начинает лихорадочно считать доходы в чужих кошельках. Все, у кого всего мало, во имя справедливости требуют равенства, говорят о расслоении общества, указывают, что олигарх получает доход в 1000 раз больше уборщицы, а то, что олигарх создает рабочие места, при этом забывается. Более того, надо помнить, что согласно Г. Спенсеру, (1820—1903) чем дифференцированнее общество, тем оно успешнее. Отсюда и совершенно особенное поведение людей. Каждый человек рассказывает что-то о благодеяниях и справедливости (теория), а на самом деле высматривает, где и что плохо лежит. Почти каждый как бы сидит в засаде и ждет своего часа (практика).

Чудо. «Россия удивительная страна. Там всякий маньяк и мечтатель может производить беспрепятственно свои опыты, и чем шире эти фантазии, чем они «планетарнее» и нелепее, тем больше в них веры» (Раупах, 2007, с. 172). Это потому, что для подавляющего большинства русских людей и чиновников, и общественности характерна вера во что-то сверхъестественное. «Сознательно или бессознательно, — писал Н. А. Бердяев (1874—1948), — но интеллигенция живет в атмосфере ожидания социального чуда» (Вехи, 1990, с. 42). На протяжении веков эта мысль писалась святыми угодниками и пламенными революционерами. Убьем буржуазию, раскулачим крестьян, «кишкой последнего царя последнего попа удавим» и «пойдет уж музыка не та, у нас запляшут лес и горы». В сущности, мы единственная нация, которая решила построить и строила коммунизм, и это, конечно, следствие в определенной степени тупости начальников, их под-

чиненных и всего общества. Какими нас только не пугали программками: прежде всего — догнать и перегнать, ускорение, индустриализация, коллективизация, паспортизация, реальный социализм, продовольственная программа и т. д. и т. п. И весь марксизм потому и имел у нас успех, что обещал чудо.

Примитивизм. Чтобы возникло чаемое чудо, науку следует превратить в сказку: есть добрые начальники и есть злые, есть мы и они, мы хорошие — они плохие. Если у нас что-то не ладится, значит, враги (гегемонисты, ревизионисты, оппортунисты, сионисты, империалисты, реваншисты и т. п.) нам гадят. Главное пиши и говори проще, на рабоче-крестьянском языке, цитируй классиков и будь уверен, что тебя поймут. И такой подход характерен в целом для многовековой русской экономической мысли, а сам примитивизм вытекает из двух источников: 1) простоты мысли подавляющего числа наших людей: они знают «только слова и не хотят прикоснуться к действительности» (Павлов, 1999, с. 138); 2) постоянных репрессий, которые власти обрушивают на науку, уничтожая все «вреднословные лжеучения». «Образование, науку подали нам на конце кнута» (А. И. Герцен). Но такое образование не могло быть полноценным. И может быть не случайно И. А. Ильин (1882—1954) делал печальный вывод: «Россию погубила полунаука. Она погубила ее скрытым в ней соблазном и ядом» (Ильин, 1993, с. 50). И это не удивительно, ибо подлинно мыслящие самостоятельно в старые годы объявлялись еретиками и нечестивцами, а в относительно недавнее время — «пособниками Тель-Авива». Следствием примитивизма мысли стала ее репрессивность. Она вытекает из заповеди Симеона Полоцкого (1629—1680): «без начальника в каждом сани погибель бывает», и отсюда «всякая власть имеет право требовать «послушания» от своих подданных» (цит. по: А. С. Лаппо-Данилевский, 1990, с. 133). И это требование могло претворяться в жизнь только в результате наблюдений, а они были печальны. Вот французский министр-социалист А. Тома (1878—1932) делает скорбный вывод: «Здравый смысл отсутствует у русских поголовно» (цит. по: Раупах, 2007, с. 277). И в самом деле, не конструктивные, а эмоциональные решения сплошь и рядом проводятся в жизнь: то 60 лет строят храм, то его взрывают, потом строят заново или выбирают место для столицы и с гордостью заявляют: «Здесь будет город заложен *на зло* надменному соседу». Назло — вот и вся логика.

Примитивизм общества легко понять на примере тех, кто популярен у массовых читателей литературы. До 1920-х гг. включительно и даже после Второй мировой войны самым читаемым и почитаемым был Джек Лондон (1876—1916). После войны его вытеснил Теодор Драйзер (1871—1945). Потом старики стали умирать, и возникла тяга к «просветителям». Это место занял Валентин Пикуль. Теперь все сходят с ума по Акунину. Набор ясен. Отсюда понятно, почему люди общества и «Карточного домика построить не умеют, но зато надеются, верят и рвутся построить идеальное государство... И такая игра на сердце, что “мы — самые лучшие”» (Розанов, 1992, с. 250).

Репрессивность мысли привела к тому, что мы все жили в страхе. И сейчас страх полностью не прошел. Этот страх определял всю жизнь русских людей. Наши предки «под кнутом воспоминания или под воспоминанием кнута», испытывая мазохистские чувства, требовали всегда или почти всегда, управляемой экономики. А. И. Посошков (1652—1726), очень русский мыслитель, хотел: 1) правды во всем; 2) установления сверху единых цен, дабы никто не мог своевольничать; и это его мечта владеет до сих пор сердцами русских людей; 3) принудительного курса денег: «У нас сильно его пресветлого величества слово, еще б повелел на золотниковой цате (монете) положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала» (Посошков, 1951, с. 239). Эти три утопиче-

ских и антиэкономических мысли составляют заветные мечты подавляющего числа русских людей, ибо «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» (А. С. Пушкин). Но, к счастью, несмотря ни на что, вопреки воле государства и общества была создана какая-то экономика, полурыночная, полукриминальная.

Труды вечные

Значимые научные труды есть только у диссидентов. Это третья проекция русской экономической мысли. Возникла она сравнительно недавно.

Когда в пореформенной России стала складываться как бы своя школа политической экономии, то создавалась она русскими либералами и как русские люди они, с одной стороны все, связанное с царским правительством, ругали, а с другой — воспроизводили по форме идеи западных экономистов XIX в. и как новость — учение К. Маркса. Посмотрите дореволюционные курсы А. И. Чупрова (1842—1908), А. А. Исаева (1851—1924), В. Я. Железнова (1869—1933), П. П. Маслова (1867—1946), И. М. Кулишера (1878—1934) и им подобные. И, хотя каждый автор пытался внести что-то свое и усиленно налегал на критические аспекты экономических учений, тем не менее все они были неоригинальны. Однако мы будем несправедливы, если не отметим и определенного вклада наших земляков. Действительно, русские люди «в томленьях крайнего усилья» (А. А. Фет) внесли в мировую сокровищницу экономической мысли достаточно много, но это заслуга диссидентов. Их труды лежали на обочине официальной науки, но именно они составляют гордость нашей экономической мысли.

Начнем со П. Б. Струве (1870—1944), создавшего уникальное учение об эмпирической экономической науке. Его критика таких схоластических категорий, как стоимость и ценность, должна была навсегда удалить их из экономической теории и хозяйственной практики. В его книгах присутствуют только реальные, а не выдуманные, не подставленные категории, типа теории рыночного равновесия. И для убедительности своих построений он, как никто, опирался на данные статистики и особенно бухгалтерского учета. И хотя это было великим, особенно для нашей страны, шагом вперед, тем не менее и тут сказывалась догматическая односторонность: если есть индукция, то зачем дедукция. Выстраивалась теория, противоположная господствующей, но это был тоже догматизм, от него ожидалось теоретическое чудо с большими либеральными последствиями. Но за идеями Струве не было видно репрессивного аппарата, и поэтому его главный труд «Хозяйство и цена», за который он был избран академиком, до сих пор не переиздан.

Вторым был М. И. Туган-Барановский (1865—1919). Прежде всего следует выделить его теории экономических циклов, инвестиции и кредита. К его заслугам можно отнести и учение о социальной заработной плате. Первые две идеи существенно уточняли и углубляли марксизм, третья была более марксистской, чем само учение К. Маркса, и Туган-Барановский, исповедуя эту русскую религию, пытался ее развить и дополнить. Все, что он делал, можно назвать творческим марксизмом.

Ученик Туган-Барановского Н. Д. Кондратьев (1892—1938) в годы нэпа делал большую советскую карьеру и создал теорию больших конъюнктурных циклов. Теорию небесспорную. Одним она нравилась (Шумпетер), другим — нет (Андерсон). Трудно сказать, насколько она оказалась справедливой, но сама по себе она была интересной, хотя и догматически сформулированной.

В. К. Дмитриев (1868—1913) облек свои рассуждения в довольно сложную математическую форму, что позволило ему достаточно рано высказать многие большие идеи: расчеты коэффициентов в будущих схемах инпут-аутпут; подоплеку производства товаров посредством товаров и показать принципы совершенной конкуренции.

Б. Д. Бруцкус (1874—1938), предвосхищая труды Ф. А. фон Хайека (1899—1992) и Л. фон Мизеса (1881—1973), показал принципиальную экономическую невозможность длительного существования социалистического общества.

Е. Е. Слуцкий (1880—1948) раскрыл связь функции полезности с изменением цен и денежных доходов покупателей. Сейчас во всех учебниках микроэкономики этот вывод называется «замещением по Слуцкому».

С. А. Кузнец (1901—1985) — один из самых выдающихся экономистов широкого профиля, давший замечательные методы исчисления национального дохода, вскрывший причины экономического роста и показавший, что человеческий капитал является главным условием экономических успехов.

В. В. Леонтьев (1906—1999) создал в чисто русском духе, хотя и отталкивался от Л. Вальраса (1834—1910), теорию межотраслевого баланса. Эта теория на самом деле стала практически и очень эффективным инструментом управления макроэкономическими процессами, что доказывает чисто русское желание так или иначе управлять и контролировать всем и вся. И тут не мог не сказаться догматический аспект экономической теории.

И наконец, надо отметить метод линейного программирования Л. В. Канторовича (1912—1986). В конце 1950-х — начале 1960-х гг. этот метод рассматривался как русское чудо, многие, особенно начальники, были убеждены, что за счет оптимизации используемых ресурсов можно сотворить что-то сказочное. И самое удивительное, что, очень может быть, так бы оно и вышло. Но на деле оптимизация прежде всего выразилась в экономии заработной платы. Все слои общества, а это касалось всех, оказались против оптимизации, на словах *за*, на деле — *против*, и все линейное программирование стало медленно исчезать из нашей жизни.

Все перечисленные экономисты внесли свой вклад в сокровищницу мировой экономической мысли не благодаря, а вопреки и государству, и обществу, которые были враждебны новаторству тех, о ком я пишу: Струве и Бруцкус бежали из страны; Туган-Барановский во время бегства умер; Кузнец и Леонтьев добились успеха только потому, что жили за рубежом; Кондратьев, который остался, расстреляли (теперь, конечно, его реабилитировали и чтят); Слуцкий, чтобы выжить, бросил экономику и занялся метеорологией. Что касается Канторовича, то он изначально выдавал себя за математика и этим в самые тяжелые годы спасся. Слава к нему пришла, когда подули ветры оттепели. И только Дмитриеву «повезло» — он умер, не дожив до торжества «диалектического материализма».

Что изучать

Парадокс заключается в том, что в России изучать экономические взгляды чиновников и общества гораздо важнее, чем вклад крупных ученых. То, что думали и претворяли чиновники, было так или иначе вызвано субъективными и объективными обстоятельствами. То, что думало общество, раскрывает идеалы этого общества. В первом случае мы изучаем экономическую политику и то, как она сказывается на населении страны, во втором — раскрываем идеалы тех, кто любит свою страну и куда эти идеалы заводят. А идеалы требуют реформы. Их всегда проводили по-разному: Рюрик (ум. 870) и Петр Великий (1672—1725) выписывали из-за границы профессионалов-управленцев. Хорошо это было

или плохо — не ясно. При Иване IV (1530—1584) бесконечные войны вызвали к жизни крепостное право. Мера вынужденная. Да и практически каждая реформа была вынужденной. С. Ю. Витте (1849—1915) провел денежную реформу, но она была выгодна одним и невыгодна другим. Это было выгодно промышленникам и невыгодно аграриям. П. А. Столыпин (1862—1911) провел теоретически правильные реформы, но они привели к расслоению крестьянства и в конечном счете спровоцировали страшную революцию.

Коллективизация при И. В. Сталине (1879—1953) была мерой вынужденной, нужны были средства для индустриализации, а, перестав оплачивать внешние долги, мы потеряли кредит. Проведенная на наших глазах приватизация и проводимая сейчас существенная деприватизация еще не позволяют достаточно полно оценить создающееся положение.

Общество всегда выдвигает идеи вокруг великих реформ. Общество неоднородно. В понимании проблем оно у нас, как правило, настроено против правительства. Именно в понимании проблем, стоящих перед страной, проходят основные противоречия. Государственные чиновники, думая о стране, хотят поддержать молодежь и детей, а общество требует увеличивать пенсии. И никто не хочет понять, что один вопрос может быть решен только за счет другого. Таким образом, понимание разъединяет общество и государство, но *фантазии*, как правило, объединяют их. Несколько веков вся внешняя политика нашей страны жила почти маниловщиной: установить крест на Ай-Софии, общество требовало освободить Болгарию, и государство начало войну 1877—1878 гг., в 1914 г. мы заступились за Сербию и потеряли свою страну. Примеров можно привести множество. Но самое печальное в том, что само общество, вопреки тому, что говорят его представители, у нас, как правило, намного консервативнее государства. Неслучайны слова поэта: «Вы всегда плюете, люди, в тех, кто хочет вам добра» (Е. А. Евтушенко).

Маргиналы живут вне общества и вне государства. Они отшельники. Но именно они создают большую науку. Как правило, она остается не востребованной ни обществом, ни государством, но когда что-то открывают и изобретают в других странах, мы сразу находим старые книги, сдуваем с них пыль и говорим, что это наш приоритет.

Итоги

Хотя первые страницы статьи несут много печали и скептицизма, все-таки становится ясным, что и негативные моменты могут привести к позитивным последствиям. И наш вклад в мировую сокровищницу экономической науки при всем при том малым не назовешь. Однако всегда надо помнить, что вклад этот сделан не работниками общественных и властных учреждений, не теми учеными и интеллигентами, которые пишут учебники, а людьми, стоявшими на обочине экономической науки.

Что же касается истории народного хозяйства, экономической политики и официально признанной экономической науки, то тут надо досконально раскрыть весь накопленный исторический опыт, ибо мы должны учиться не на своих ошибках, а на тех, что делали наши предшественники. Между прочим, не только свои, но и иностранные, может быть особенно.

Источники

- Аксаков И.* Полное собрание сочинений: в 7 т. М., 1886. Т. 4.
Алданов М. Ключ. Бегство. Пещера. М., 2002.

- Базаров В. А.* Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10.
- Булгаков С. Н.* Труды по социологии и теологии. В 2 т. М., 1997.
- Вехи. М., 1990.
- Вышеславцев Б. П.* Кризис индустриальной культуры. М., 2006.
- Голоса из России / Сб. А. Герцена и Н. Огарева. М., 1974. Вып. 1.
- Дунаев М. М.* Православие и русская литература. М., 2003. Т. 4.
- Ильин И. А.* Наши задачи / Собрание сочинений. М., 1993. Т. 2. Пт. 1.
- История экономических учений / под ред. В. С. Автономова. М., 2001.
- Кэпелл Э.* Большевицкая революция 1917—1923. М., 1990. Кн. 1.
- Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры. М., 1990.
- Мау В.* Реформы и догмы. 1914—1929. М., 1993.
- Павлов И. П.* О русском уме // И. П. Павлов. Pro et Contra. СПб., 1999.
- Посошков И. А.* Книга о скудности и богатстве. М., 1951.
- Раунах Р. Р. фон.* Facies Hippocratica — Лик умирающего. СПб., 2007.
- Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе. М., 1996.
- Розанов В. В.* Русская идея. М., 1992.
- Салтыков-Шедрин М. Е.* Собрание сочинений. В 20 т. М., 1937. Т. 5.
- Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805—1905. М., 2008.
- Штейн В. М.* Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX вв. Л., 1948.